

А. С. Кушнов

ГНОСТЬ ФРОНТОВАЯ...

Посвящаю моему дорогому сыну
Владимиру Николаевичу

7 февраля 1975 года. Вчера был день рождения сына моего Владимира Николаевича. Ему уже исполнилось двадцать пять лет. Он окончил Горьковский политехнический институт, отделение машиностроения. Он инженер.

А почти двадцать пять лет назад, в июне-июле 1950 года мы с ним трюхали в Шахунью и остались здесь... Мне тогда было двадцать пять лет. К этому времени я два года проработала в средней школе №9 города Владивостока. Перед этим четыре года учебы в Ленинградском пединституте имени Герцена, литфак. Еще раньше - два года фронта /в 17 - 19 лет/...

Сорок второй, сорок третий, сорок четвертый...

Началась война. Мне еще шестнадцать лет. Я окончила девять классов. Декабрь сорок первого. Учусь в десят см классе. Однажды на урок санитарного дела врач принесла "Правду" со снимком и очерком, рассказывающими о гибели Зои Космодемьянской, о ее мужестве, героизме. Каждый из нас дал клятву отомстить за Зою!

Я подала заявление уйти добровольно на фронт. Но в райкоме комсомола ответили:

- Молода. Закончи школу.

1942 год. Закончила Шахунскую среднюю школу №1. Стригала свои косы и спать пришла в райком...

16 июля 1942 года Шахунья провожала своих добровольцев. Едем на фронт.

Через шесть дней была на фронте. Попала в Девятнадцатую Краснознаменную дивизию - Девяностый артполк, что сражался под Москвой, под Можайском, недалеко от станции Уварово.

Но в первые дни так и не удалось добраться в полк. Потому что опять начались бои, много раненых, оставили временно в МСБ. Ухаживала за ранеными. Поила, кормила тяжело раненных.

И наконец я в полку, в ПМ... Под руководством доктора Сбухова оказывала первую помощь раненым бойцам и командирам. Одна-единственная девушка в полку!

В сентябре сорок второго года прибыла к нам в полк в ПМ врач Эстра Гарбер. Она только что окончила медицинский институт в Самарканде, где жила по улице Коммунистической, 56.

Она прибыла - и была очень удивлена первое время: как это можно спать в землянке, куда натекает почти до самых земляных нар, где стали - много воды /в сентябре шли дожди/.

С ней вместе моей единственной подругой, прошли с боями в направлении Ржева. Декабрьские бои - и декабрьские морозы.

В феврале сорок третьего года нашу 57-ю армию перебросили с Западного на Юго-Западный фронт. И вот мы впервые ощутили на станции, в килом доме.

Как-то было даже странно садиться за стол. А за эти месяцы всё в землянках или под стиртым небом — даже в большие морозы. В письмах домой писали где-нибудь на пеньке или за самодельным "стеликом" в землянке. А тут — настоящий стол, домашняя обстановка. Да и "гражданских" мы давно не видели, кроме как в освобожденных районах большей частью старух и детей, которые возвращались в родные места на телеги и развалины.

В Москве полк получил новое обмундирование, новые артиллерийские пушки. Едем — весь полк — в трех эшелонах. Преемство только что освобожденные места Орловской и Курской областей. Справа и слева от полотна следы прошедших боев. Валяются лачки, которые надевали поверх своей обуви немцы — и еще не убранные трупы убитых.

Железная дорога восстанавливалась исключительно женщинами.

Мы едем в вагоне для ПМ. У нас открыта дверь. Женщины железнодорожницы машут нам, желая счастливого пути и обязательного возвращения.

Вдруг вражеский самолет прорвался, налетел на наш эшелон. Конечно, первая его задача — попасть в паровоз, остановить состав, а потом крушить и уничтожить живую людскую силу. Так и сделал немецкий летчик. Сбросил бомбы, попал в паровоз, поезд остановился. Была дана команда: все из эшелонов выпрыгнуть, выбежать, залечь в стороне от полотна на землю.

Эстра уже лежала. Я подбежала к ней, хотела тоже рядом лечь. Но тут подбежал боец и сказал, что в одном из вагонов раненые. Я сказала Эстре, чтобы она не вставала, что я сама управлюсь. И кинулась туда, к раненым. Летчик продолжал обстреливать нас из пулемета.

Только я успела втиснуться в вагон и начала перевязывать одному раненому ногу, как вдруг услышала, что Эстра закричала.

Я выпрыгнула из вагона: она лежала у полотна, была ранена вражеской пулей в живот. Успела сказать:

- Я умираю.

Унесли в вагон. Врачи пытались спасти ее, всё сделали. Но рана была смертельная. Через несколько минут, пока я оказывала первую помощь, перевязывала других раненых, она умерла. Мы не имели возможности даже похоронить ее! Нужно было выполнять задание: в срок прибыть под Чугуев, что под Харьковом. Похоронили ее железнодорожники, которых мы об этом попросили. Я сообщила родным в Самарканд, родителям, подруге. Сейчас родители умерли, два брата Эстры Гарбер живут в Ленинграде, один в Самарканде.

ВГСО-ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ

В боях здесь начинаем участвовать от Чугуева на Харьков. Шестого, седьмого, восьмого марта сорок третьего года вступаем в Харьков. Тёплые встречи с освобожденными жителями. Расквартировались. Я попала в семью рабочего какого-то крупного завода. На всю жизнь запомнила и в сердце ношу тепло и гостеприимство хозяйки /у нее была дочь лет одиннадцати-двенадцати/. Она не знала, чем меня угостить. Достала драгоценные пшеничные зернышки которые так берегла! Смолотла их в ручной ступке, напекла пышки лепешки и от всего сердца угощала меня. А сами в то время ели хлеб, испеченный из струбей с картофелем.

А вечером эта добрая, отзывчивая, чуткая женщина устроила мне баню дома. Намыла меня, накупала как родную дочь. Я никогда не забуду ее тепла, материнского тепла! Не помню ее фамилии, имени, но никогда не забуду ее, никогда!

Хочется низко-низко поклониться ей, горячо пожать ей руку обнять крепко как мать! Эту баню невозможно забыть. Мое волнение, вся моя сила благодарности той женщине поймет только тот кто был на фронте, на передовой, кто месяцами шел с боями, кто жил в землянке, умывался то снегом, то в лужицах, то настоящею водой из котелка, спутника солдата. У солдата верные друзья - шинель или ватник и ... котелок/он заменял и тарелки, которых и в помине не было, и стакан или чашку, порой и стол, - на котелке письма дорогим твоему сердцу писали между боями./

Девятого, десятого, одиннадцатого марта 1943 года начался окружение Харькова. Отвезли последних раненых. Тяжелых раненых - в госпиталь. Начались бои на улицах города. Седьмая батарея нашего Девяностого артполка на Холодной горе. На батарею движутся вражеские "тигры". Раздавили несколько орудий. Но артиллеристы как львы сражаются. Много среди них раненых. Целую машину раненых привез Анатолий Фирсов - политрук третьего дивизиона. Он в седьмой батарее. Я перевязала всех и принесла им легкий табак /своей норму, сама не курила - и всегда отдавала то связистам, то разведчикам/. Они говорили, что это для них самый большой, прямо драгоценный подарок.

Анатолий Фирсов ушел снова в бой. И больше я его не видела. Я его считала погибшим, а в шестьдесят третьем году при встрече с однополчанами в г.Новочеркасске Ростовской области мне осторожно сообщили, проговорившись, что он остался в том бою без рук и без ног, просил мне об этом не говорить. Как ни расстраивала, но ни слова мне больше не сказали, не повторили.

Потом, там же, в Харькове, в эти же мартовские дни тяжелого сорок третьегого еще и еще раненные. Пока я бегала оказываю им помощь и вернулась - ППМ снялся, ушел, нельзя было медлить началось отступление.

Я оказалась в маленькой группе связистов и разведчиков. С ними и выходила из окружения /большая часть ночью/ несколько дней.

Многих товарищей после окружения недосчитались. В том числе погиб и командир полка гвардии подполковник Шелест /имени не помню, так как всегда обращалась к нему по-уставному/. Это был чудесный и командир, и человек, очень честный. При нем в полку была идеальная дисциплина: я ни разу не слышала ни одного грубого слова, нецензурных слов.

Все в полку очень любили меня, относились тепло, сердечно, по-отцовски, по-братски и очень-очень бережно. Я им, моим однополчанам, очень благодарна!

После Шелеста командиром полка некоторое время был Колониотов /кажется, так его фамилия/, а всё остальное время до дня Победы и после Победы Михаил Семенович Игнатьев, девятнадцатого года рождения, из Свердловска. После войны он окончил Ленинградскую академию, затем служил в Кандалякше, Петрозаводске, Новочеркасске до 63-го года. Сейчас не знаю, где он. А очень хочется встретиться с ним, с его семьей. У него сын Виктор и дочь. Встретиться со всеми, кто остался в живых однополчанами. Знаю, что в Ростове-на-Дону живет бывший комсорг Костя Теленков. Он окончил после войны Московскую академию, потом служба, был в Германии после войны, в Новочеркасске. У него жена врач, двое детей. Костя-мой земляк, он из Горького. Когда я, раненая, возвращалась домой, просил меня передать письмо своей любимой и письмо своей сестре Кате Мартыновой...

Но вернемся к сорок третьему году. Вышла из окружения и сразу написала маме. Она, бедная, так много пережила в те годы. Девочки из МСВ написали ей письмо, в котором сообщили, что я, наверное, не выйду из окружения. Бедная мама моя приходила с работы, брала в руки мою фотокарточку и плакала с горя:

- Доченька родная, фашисты над тобой издеваются. - И от душевной боли вырывала волосы на своей голове.

От нее спрятали мои фотокарточки, чтобы лишним раз они не напомнили обо мне.

И вдруг она получила мое письмо: я жива, здорова, вышла из окружения. Это не верится. В каждом письме ко мне она пишет, просит: "Доченька, родная моя, дорогая, приедь хотя бы на один денек, на один часок, на одну минуту, чтобы я на тебя посмотрела, увидела тебя. Сердце мое разрывается, плачет и радуется тому, что ты жива. И не верится..."

А я в каждом письме пишу: "Обязательно приеду! Но приеду с победой!"

Но до победы мне не пришлось дойти по фронтовым дорогам. Искusstия, ранение на Днепре, ранение на Днестре.

... Сейчас вспомнила. Весной сорок третьего мне однажды ребята столько цветов наделили, что я, обхватив обеими руками, еле донесла до своей землянки. Я ходила на НП и КП как комсорг и приносила "Боевой листок", приходила по траншеям - и каждый мой приход был для них радостью.

Уже подходя к своей батарее, я встретила приехавшего к нам в полк начальника штаба не то корпуса, не то армии. Он увидел в моих руках столько сирени, удивленно воскликнул и спросил одну веточку.

А ребята мне наказывали никому не дарить, - это их подарок и только для меня. Но как не подарить веточку сирени, если человек, правда, незнакомый, попросил. И я подарила ему веточку сирени.

После этого часто, когда сижу у телефона, полевого, фронтового, в землянке /тогда я связисткой была/, вдруг раздаётся:

- Сирень, как себя чувствуете? Ноги не замерзли?
Сире-ень!

- Сирень слушает. /Сирень - моя закодированная позывная которая менялась - Горюх, Черемуха ... /

Ребята после этого всё шутили по поводу сирени. Но они и ревниво оберегали. Как-то /не знаю, не помню, в чего началась перестиска / из стрелкового полка нашей дивизии мне стал писать офицер Вячеслав Богомоллов. /Вспомнила: его товарищу - Калмыкову я оказывала медицинскую помощь. А когда Калмыкова, благодарившего меня в письмах, отправили в госпиталь, - писать мне стал Богомоллов. /

Мы ни разу не видели друг друга, но перестиска перешла в дружбу. Мы ни разу не встретились. Видимо, товарищи мои по полку препятствовали. И мне говорили:

- Никогда не дадим встретиться с ним!
- Разве у нас в полку ребята хуже?
- Анючка, ты у нас единственная в полку девушка, мы так тебя все любим! Никому не отдадим.

Был как-то в дни передышки между Северным Донцом и Днепром праздник всей нашей дивизии. Письмом Вячеслав сообщил

мне, что будет там. Потом писал, что был на празднике, всё меня искал, расстраивал наших артиллеристов. А те ответили, что меня нет на празднике. Мне ребята об этом сами рассказывали. А я на празднике как раз была!

Потом опять бой, кровь, смерти. До сих пор перед глазами как живая картина - бой на Днепре, на самом берегу. Чистой водой Днепра и умывалась.

Вот один из таких боев. В то время артиллерия была прямой наводкой. Поэтому наши НП и КП вместе со стрелковым полком /их в дивизии было три/. Я только что закончила свою смену дежурства /сидела под деревом со своим деревянным аппаратом/, как произошел порыв линии. Я с Мишей Смирновым поехала исправлять линию.

С высоты двинулись вражеские танки, пехота стала ступать. В воздухе вражеские самолеты. Рвутся снаряды, пули свистят "дх", дх". Почти всё время ползком. Соединили три раза порывы. Вернулись живые, невредимые. Но тут нашу батарею засекли. Начался артолет. И с воздуха бомбежка. Пришлось менять месторасположение - и в это время я была контужена. Без сознания привезли в ЦПМ, а оттуда в госпиталь...

Я поправилась и вернулась /нашла!/ в свой родной полк. В тот день, когда я вернулась из госпиталя в полк, я получила письмо от товарища папы, который сообщил, что мой папа был тяжело ранен и в сентябре /числа я не помню/ 1943 года под Мгой, что под Ленинградом, жив был сорок минут, просил передать привет моей маме /своей жене/ и деткам, *1943*

/Вот пишу теперь об этом, а слезы градом из глаз, сейчас уже нервы сдают, каждый раз плачу, как только вспомню

о тате дорогом - Сергее Андреевиче Куимове. Боль не проходит,
а всё больше ранит. Папа погиб тридцати восьми лет.

10 февраля 1975 года.

Каждый раз готовясь к уроку, несколько минут которого
посвящаю Великой Отечественной войне /иногда весь урок -
Урок Мужества/, я беру материал из газет "Комсомольская
правда", "Учительская", из местной газеты, из передач
по телевидению. Всё то, что очень волнует, что и самой пережи-
то.

Читаю статью Алексея Суркова о том, как создавалась
им в сорок первом году песня "В землянке". Песня, которую я
пела на фронте в землянке. А сейчас в каждом слове -
целые эпизоды из фронтовой жизни.

Встает в тесной пещурке огонь,
На поленьях смола, как слеза,
И поет мне в землянке гармонь

Про улыбку твою и глаза... - А я представляю
улыбку и глаза моей дорогой мамы.

Про тебя мне шептали кусты
В белоснежных полях под Москвой. - И я тоже была
в боях под Москвой от Можайска в направлении к Ржеву, это бы-
декабрьские бои сорок второго, когда жива была моя подруга
Эстра Гарбер...

Я хочу, чтобы слышала ты,
Как тоскует мой голос живой.
Ты теперь далеко-далеко,
Между нами снега и снега.
До тебя мне дойти нелегко,
А до смерти четыре шага...

Той, гармоника, вьете назло,
Заплутавшее счастье зови.

Мне в холодной землянке тепло
От моей негасимой любви. - Мне, оной, от любви
к моей маме, Алексею Суркову - от любви к жене...

Это стихотворение потрясает глубиной правды военных лет и переключается своим содержанием о верности, любви девушек, жён, матерей со стихотворением Константина Симонова "Жди меня"...

"Мне в холодной землянке тепло..." И встант передо мной
и землянка зимой сорок второго, и землянка зимой сорок третьего
где-то уже вдали от Днепра... Так холодно, ноги так замерзли,
что готова бежать под пулями, которые свистят, если только
высунешь, поднимешь голову, выйдя из землянки. Но только бы
согреться... Готова пробежать под пулями, но только бы
согреться...

Пушлягина!

1) День Победы 9 мая 1945, встретили в
Ленинграде,
а 40-летие и 45-летие (1980, 1985) Победы
то приглашены и встретили в Москве.

2) Была приглашена в августе 1983, на
40-летие освобождения от врага г. Хатингола и
Лардуйской обл., в октябре 1983, - на 40-летие
дней на Днепре (в Днепродзержинске), затем
за 70-летие каменей знаменитой
бродни Суворова 1918, куда входил наш 91 АП, - в
г. Воронеж.

3) Приглашена издвигается к 50-летию Победы
от Совета ветеранов 1918, Совет музея и
администрация города ВТН г. Воронеж.

Дорогая Анна Сергеевна!

Сердечно издвигается Вам и Вашим близким с самыми
искренними и радостными поздравлениями на Земле -
50-лет. Победы!

Пусть любовь, свершивший Вами, вдохновит нашу
любовь, придаст ей сил и уверенности в эту
сложную для России час.
Пусть свет Великой Победы никогда не угасит

Сегодня мы преклоняем головы перед
Вашим существом и земиземью,
гордимся Вами и бюджетом без Вас
исполняем!

Пусть в каждом доме будет мир,
благодарность и согласие.

Желаем Вам и Вашей семье здоровья,
счастья, радости и мира.

4) Я была членом организующего Совета
департаментов восточной группы в Мухоме,
когда ей председатели были Г. Комаров А. В.,
Г. Устинов Ф., Г. Жомова Н. А.

5) Провела сотни уроков Стужицы в
Мухоме: в школе №1, №2, в доме
мушеров, в кинотеатре "Светлый",
в доме престарелых и др.

5 июня 1995г. Ш. Кулимов —